

Карпов В.А.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВОВЕДЕНИИ XIX-НАЧАЛА XX вв

Аннотация: Предметом исследования в настоящей статье является обобщение воззрений различных дореволюционных ученых на правовое государство, его понятие, критерии, отграничение от смежных государственно-правовых понятий и иные аспекты, на примере которых показана глубоко самобытная интерпретация отечественной правовой наукой данной категории. Из всего многообразия взглядов и подходов дореволюционных российских ученых к проблемам правовой государственности автор выделяет обобщенные тенденции и особенности, сопоставляет идеи правового государства и абсолютизма. Рассмотрена концепция критериев правового государства. Выделена характерная черта всей дореволюционной российской концепции критериев правового государства: приоритет морально-этических критериев и негосударственных социальных регуляторов в построении правовой государственности. Методологическую базу исследования представляют фундаментальные положения теории государства и права, сравнительный анализ исследовательских принципов различных школ и течений, метод анализа публикаций, существующих в данном направлении, традиционные методы научного знания (дедуктивный, индуктивный, системный, сравнительный и др.), а также частно – научные методы: исторический, формально-юридический. В статье в результате анализа работ дореволюционных российских ученых выявлена тенденция в дореволюционном осмыслении правового государства – стремление к комплексному анализу, отсутствие возведения концепции правового государства в абсолют, своего рода «культу» правового государства, который, зачастую, характерен для современной правовой науки. Анализ дореволюционного периода развития отечественного правоведения показал, что понятие права и понятие закона еще были недостаточно разграничены, во многом мыслились как тождественные. Идеи дореволюционных ученых о недопустимости абсолютизации концепции правового государства звучат крайне актуально в сегодняшних политико-правовых условиях. В связи с этим концепция государства культурного, духовного, социального должна занимать достойное место в практике государственного строительства и органически сочетаться в национальной правовой доктрине с концепцией государства правового.

Ключевые слова: Правовое государство, конституционное государство, понятие правового государства, критерии правового государства, дореволюционная правовая наука, правовые идеи, политико-правовые концепции, правоведение, законодатель, власть.

Abstract: The subject of this research is the generalization of views of various pre-revolution scholars on the legal state, its concept, criteria, differentiation from similar legal state concepts, as well as other aspects used as an example for demonstrating the deeply indigenous interpretation of this category by Russian legal science. Out of the multifariousness of views and approaches of the pre-revolution Russian scholars towards the problems of legal statehood the author highlights generalized trends and aspects, and compares the ideas of legal state and absolutism. The author examines the concept of criteria for legal state, and highlights the character trait of the entire pre-revolution Russian concept of criteria for legal state: priority of moral and ethical criteria and non-governmental social regulators in the structuring of legal statehood. Analysis of the pre-revolution era of development of Russia's legal science has demonstrated that the notion of law and legislation were not sufficiently demarcated, and were largely thought to be one and the same. The ideas of pre-revolution scholars on impermissibility of absolutization of the concept of legal state become rather relevant in the current political and legal conditions.

Keywords: Legal state, Constitutional state, Concept of legal state, Criteria for legal state, Pre-revolution legal science, Legal ideas, Political legal concepts, Legal science, Legislator, Authority.

Девятнадцатый век в истории российского правоведения был богат как глубоко оригинальными правовыми идеями, так и творческим и глубоко самобытным осмыслением различных западных политико-правовых концепций, среди которых особое место занимает концепция правового государства. Из всего многообразия взглядов и подходов дореволюционных российских ученых к проблемам правовой государственности можно выделить следующие обобщенные тенденции и особенности.

1) Понятие правового государства в дореволюционном российском правоведении.

Понятие правового государства, ключевое в концепции правовой государственности, получило доктринальную разработку в трудах отечественных дореволюционных ученых.

В частности, Б.А. Кистяковский писал: «характеризуя правовое государство в самых общих чертах, надо признать, что основной признак этого государства заключается в том, что в нем власти положены известные границы, здесь власть ограничена и подзаконна. Кроме того, в правовом государстве как некоторые органы власти, так и сам правовой порядок организуются при помощи самого народа. Таким образом, правовому государству тоже необходимо присуща государственная власть, но эта власть введена в известные рамки, она осуществляется в определенных формах и носит строго правовой характер» [1]. Ученый определял правовое государство как государство, которое «в своих отношениях к подданным связано правом, подчиняется праву», государство, «члены которого по отношению к нему имеют не только обязанности, но и права; являются не только подданными, но и гражданами» [2].

В.М. Гессен обосновывал, что «правовым называется государство, которое признает обязательным для себя, как правительства, создаваемые им же, как законодателем, юридические нормы. Правовое государство в своей деятельности, в осуществлении правительственных и судебных функций связано и ограничено правом, стоит под правом, а не вне и над ним» [3]. В данном определении примечательно то, что правовое государство мыслится как государство, ограниченное, прежде всего, законом. Государство позиционируется как законодатель, который сам принимает нормы, которые в дальнейшем считает для себя обязательными. С одной стороны, данная концепция вызывает вопрос: как государство может быть связано принимаемой им законодательной нормой, если, в случае необходимо-

сти, может легко данную норму поменять? Однако не следует забывать, что государство – это не только законодатель, это еще и органы исполнительной власти, и органы судебной власти (даже в монархическом государстве, и даже в случае отрицания концепции разделения властей таковые имеются). А исполнительные и судебные государственные органы уже не вправе менять по своему усмотрению те или иные правовые нормы. Следовательно, концепция правового государства как государства, ограниченного, прежде всего, законом, а не «естественными правами человека», «идеалами свободы, равенства и справедливости» и иными трудно определяемыми философскими категориями, вполне совместима с самой идеей правовой государственности.

С.А. Котляревский считал, что коренной предпосылкой принципа правового государства является относительная взаимная независимость права и государства. При этом он отмечал, что «нечего и говорить, насколько сама постановка проблемы (*правового государства – авт.*) была связана с переходом России к конституционному строю. Исследователи нашего дореформенного государственного права указывали, что ему присуще начало законности, выраженное в ст. 47 старых Основных Законов: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, уставов и учреждений, от Самодержавной Власти исходящих» [4].

В концепции правового государства С.А. Котляревского обращают на себя внимание рассуждения о сущности принципа правового государства и широкой вариативности данного понятия на практике. В частности, автор, рассматривая понятие правового государства, отмечал: «государство, само субъект права, признает и других субъектов права, не только частного, но и публичного, признает это качество за отдельными своими членами и за их соединениями. Здесь лежит *essentiale*: вне пределов его могут быть весьма большие различия. Положительная деятельность государства, широта его законодательных задач, границы его вмешательства прямо этим не затрагиваются. Принцип правового государства представляется совместимым с разнообразными программами и идеалами социальной и культурной политики. Признание государством этих правовых граней, окружающих отдельного человека или отдельный союз людей, имеет метаюридическую основу: оно скорее предполагается государственным устройством, чем вытекает из него. Оно вытекает из очень глубокой, вековым опытом укрепленной потребности создать известное равновесие между властвованием и самосохранением подвластного и этим,

в возможных пределах, примирить чувство личной свободы и сознание неустранимой зависимости» [4].

На данном примере хорошо видна еще одна тенденция в дореволюционном осмыслении правового государства – стремление к комплексному анализу, отсутствие возведения концепции правового государства в абсолют, своего рода «культу» правового государства, который, зачастую, характерен для современной правовой науки.

2) Концепции критериев правового государства.

Характерной чертой всей дореволюционной российской концепции критериев правового государства был приоритет морально-этических критериев и негосударственных социальных регуляторов в построении правовой государственности. Общую суть подобного подхода довольно точно выразил П.Е. Казанский: «было бы крупной ошибкой, если бы мы, увлекаясь юридическими формулами, просмотрели то, что главным основанием и двигателем жизни является не право, а национальное самосознание, религия и нравственность. Само право только постольку имеет значение, поскольку ему дает освящение нравственность. Право играет в жизни народа великую, но не всеобъемлющую роль, являясь национальным самосознанием народа... Религиозные заповеди глубже проникают в психологию народа, чем внешние обязательные правила права» [5].

Особенно глубоко преимущество иных регуляторов (в частности, правосознания) перед правовыми обосновал И.А. Ильин. Мыслитель вопрошал: «в чем же тогда состоит «значение права»? Разве не следует называть законом лишь то, что ненаруσιμο, лишь то, что непоколебимо прочно, как фатум, ведущий согласного и насильственно влекущий строптивного? Какое же «значение» можно признать за правом, если оно по самому существу своему наруσιμο, если есть возможность преступать и обходить его, если оно не ставит человека в положение безвыходности, а только угрожает неприятностями, которые часто не удается осуществить?». И подчеркивал: «для человека с неразвитым правосознанием всех этих сомнений достаточно, чтобы отнести значение права к области иллюзий, навязаний, фантазий» [6].

Отношение к праву как одному из возможных ограничителей государства, но далеко не самому главному и действенному, характерно для политико-правовых концепций многих дореволюционных ученых. Не случайно П.И. Новгородцев видел будущее идеальное государство таким, в котором будет достигнуто «нравственное

объединение всех», «идеал общечеловеческого объединения и всемирного равенства и гражданства», при этом «только такое состояние общества можно признать истинно-правомерным, которое покоится на всеобщем признании права» [7], а Н.Н. Алексеев подчеркивал, что «в государстве помимо правовых живут еще и нравственные силы» и что «политический идеал есть не только правовой, но и нравственный» [8].

Г.Ф. Шершеневич считал единственным способом практического построения правовой государственности связующее действие на государственную власть общественного мнения. В частности, ему принадлежат следующие рассуждения: «чем же обеспечивается правовой порядок против произвола государственной власти? В разное время выдвигались различные гарантии: а) неотъемлемые права личности, б) принцип разделения властей, с) правовое самоограничение власти, д) подчиненность государства стоящему над ним праву. В действительности такую гарантию является только сдерживающая сила общественного мнения» [9].

Идеи дореволюционных российских правоведов о морально-этических ограничителях деятельности государства и сегодня не потеряли своей значимости. Современная методика построения правовой государственности должна включать широкий спектр методов, не только правовых. В конце концов, от уровня правосознания и культуры общества в целом зависит, насколько принцип верховенства права, основополагающий в концепции правового государства, будет реально воплощен в жизнь.

3) Связанность государства правом и связанность государства законом.

При анализе дореволюционного периода развития отечественного правоведения обращает на себя внимание тот факт, что понятие права и понятие закона еще были недостаточно разграничены, во многом мыслились как тождественные. В связи с этим связанность государства правом как главный признак правового государства понималась и как связанность государства законом. Например, в приведенном выше определении правового государства В.М. Гессена говорится: «правовым называется государство, которое признает обязательным для себя, как правительства, создаваемые им же, как законодателем, юридические нормы» [3]. А поскольку законодателем создаются законодательные нормы, следовательно, именно связанность государства законом становится сущностным признаком правового государства. И далее автор конкретизирует указанный

принцип: «издавая закон, государство связывает и обязывает им не только подчиненных ему индивидов, но вместе с тем – посредственно или непосредственно – и самое себя. Закон налагает известные обязанности на граждан, предоставляя соответственные права правительству; но в то же время закон налагает известные обязанности на правительство, предоставляя гражданам соответственные права. Государство в лице своей правительственной власти так же подчинено закону, как каждый в отдельности гражданин» [3].

Во многом данная ситуация напоминает современную в том плане, что в современной концепции правового государства принцип верховенства права предполагает принцип законности. Однако усилиями советской науки теория соотношения права и закона как содержания и формы была достаточно подробно разработана, в связи с этим понятия верховенства права и верховенства закона достаточно четко разграничиваются и, как правило, не используются в качестве взаимозаменяемых.

4) Соотношение правового государства и конституционного государства.

Современные исследователи отмечают, что в российском дореволюционном правоведении существовало два основных подхода к вопросу о соотношении правового государства и конституционного государства. Сторонники первого подхода (например, С.А. Котляревский [4], Н.И. Палиенко [10]) разделяли правовое и конституционное государства, относя первое из них к метаюридическому понятию, к правовому идеалу, к которому надлежало стремиться, и трактуя второе как политическую форму, которая обеспечивала политическое самоопределение народа и выступала предпосылкой по отношению к правовому государству. Сторонники другого подхода (А.С. Алексеев [11], В.М. Гессен [12], Б.А. Кистяковский [13] и др.) отождествляли правовое и конституционное государство и усматривали как в том, так и в другом форму государства, которая при определенных условиях может стать частью юридической реальности определенного государства [14].

Представляется, что во втором подходе допущено смешение различных несопоставимых плоскостей рассмотрения государственности. Например, В.М. Гессен понимал под конституционным государством такое, в котором реализованы следующие основные идеи: идея ограничения абсолютной монархической власти писаной конституцией как верховным актом учредительной власти, возвышающейся над всеми властями

в государстве; идея ограничения власти монарха началом народного суверенитета; идея ограничения королевской власти началом разделения властей [15]. Б.А. Кистяковский считал, что конституционное государство – это «практическое осуществление идеи правового государства» [2].

Первый подход видится более аргументированным. В частности, сторонник первого подхода, Г.Ф. Шершеневич отмечал: «существует весьма распространенное представление, что правовое государство то же самое, что государство конституционное, «правовое и конституционное государство – синонимы». Но это совершенно не так. Правовое государство есть проблема, поставленная государству временем; конституционное государство есть наилучшее, по воззрению времени, средство для осуществления этой задачи. Мы можем себе представить идеального абсолютного монарха, издающего законы и строго наблюдающего за их исполнением. Классические писатели на предположении такого идеального монарха строили свои симпатии к монархической форме. Но историческая действительность не дает нам такого идеала, а там, где лично монарх сочувствует правовому порядку, окружающие его сферы постоянно сталкивают его, часто помимо его воли, с прямого пути твердой законности. Вот почему, поставив требование государства, в котором право соблюдалось бы в точности, XIX в. указал на конституционную форму, как на лучшее средство, гарантирующее правовой порядок» [9].

Таким образом, в дореволюционном правоведении была высказана довольно интересная мысль: даже государство, власть правителя в котором абсолютна, может быть правовым. Отсюда следует другой вывод – государство, в котором принята конституция, и власть монарха ограничена ею, не обязательно является правовым. Проецируя данные выводы на современные реалии, можно сделать следующий вывод. Государство, в котором присутствует сильная власть главы государства (например, так называемая «суперпрезидентская» республика), вполне может быть правовым. И наоборот, даже самый либеральный политический режим вовсе не гарантирует обязательного автоматического возникновения правового государства.

Следовательно, международная критика, допускаемая в отношении многих государств с сильными традициями национального лидерства (а к ним относятся значительная часть стран постсоветского пространства, в частности, Россия, Казахстан и Белоруссия) за их, якобы, неправовой характер, допускает довольно серьезное смешение понятий. Ставя знак равенства

между политическим режимом и наличием либо отсутствием правового государства, противники национальных моделей организации государственной власти, по сути, уклоняются от поиска объективных критериев правовой государственности и тщательной оценки практических аспектов соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также сопоставления реального уровня обеспечения гарантий данных прав в различных странах.

5) Указание на недопустимость абсолютизации концепции правового государства.

Воспринимая концепцию правового государства как одну из возможных государственно-правовых концепций, многие дореволюционные ученые предостерегали от недопустимости ее абсолютизации, выдвигая в качестве единственно возможной модели объяснения феномена государственности и единственно возможной стратегии ее дальнейшего развития.

Например, Г.Ф. Шершеневич справедливо предостерегал от следующей ошибки: «Возможно, что определение будет стремиться дать понятие о государстве не в его исторической действительности, а в идеальном представлении. Вместо того чтобы определить, что такое государство, нередко определяют, чем оно должно быть» [9]. По мнению ученого, «такую же неправильность допускают те, кто пытается определить государство как правовое государство, забывая, что правовое государство, явившееся на смену полицейского государства, есть только проблема, поставленная государству в определенный исторический момент, и что проблема правового государства может быть не единственной для государства» [9].

Крайне актуально в современных условиях звучат рассуждения одного из представителей консервативной ветви дореволюционного правоведения, Н.А. Захарова. По мнению ученого, «теории правового государства и разделения властей выросли в исключительно европейских условиях, где для них были исторические предпосылки. Так, концепция Монтескье о разделении властей выросла на почве борьбы монарха, земельной аристократии и буржуазии за властные привилегии. Ради обеспечения компромисса в классовой борьбе и появилась теория разделения властей. В истории России

подобная борьба не имела места, поскольку класс землевладельцев (дворян и бояр) был зависим от царя, который давал надель только за службу. И в целом русская история показывает умение власти и сословий найти социальный компромисс, обойтись без крайних форм решения социальных столкновений (сословный мир и соборный принцип устройства жизни). Отсюда единство и неразделенность власти, поиск симфонических, соборных форм решения социальных, политических и религиозных конфликтов» [16].

Автор рассуждает о том, почему в России не сформировался принцип господства права (верховенства права, верховенства закона) в том виде, в котором он появился в западной правовой традиции: «если на Западе конфликт решался с помощью силы и войны, а потом за счет искусственных юридических институтов – договоров, конституций, теорий разделения властей и верховенства закона (средства примирения с помощью государственного принуждения), то в России споры решались на основе соборных институтов – общинного суда, Земских Соборов, а также с опорой на религиозно-нравственные начала – совесть народа и самодержавного царя, способные усмирить притязания как олигархов, так и дворян и защитить угнетаемый класс крестьян. Поэтому история русского права и государственности не знает разделения властей и господства закона, а преклоняется перед единством власти самодержца и нравственными идеалами совести и добра» [16].

Идеи дореволюционных ученых о недопустимости абсолютизации концепции правового государства звучат крайне актуально в современных политико-правовых условиях. Правовой аспект – всего лишь один из аспектов деятельности современного государства, хотя и системообразующий. В связи с этим концепция государства культурного, духовного, социального должна занимать достойное место в практике государственного строительства и органически сочетаться в национальной правовой доктрине с концепцией государства правового.

Таким образом, отечественная дореволюционная правовая наука внесла свой значимый вклад в развитие теории правового государства, интерпретировав и развив ее основные положения в соответствии с достижениями российской правовой науки и реалиями современной ей государственной практики.

Библиография:

1. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права // Радько Т.Н. Хрестоматия по теории государства и права. М., 2009.

2. Кистьяковский Б.А. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 261.
3. Гессен В.М. О правовом государстве // Радько Т.Н. Хрестоматия по теории государства и права. М., 2009.
4. Котляревский С.А. Власть и право. // Избранные труды. М., 2010. С. 352.
5. Васильев А.А. Этико-правовая концепция русской государственности П.Е. Казанского и Н.А. Захарова // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 42-46.
6. Ильин И.А. Теория права и государства. 2-е изд. / под ред. и с биографическим очерком В.А. Томсинова. М., 2008.
7. Новгородцев П.Н. Два правовых идеала. Научное слово. Кн. X. М., 1994. С. 121.
8. Алексеев Н.Н. Основы философии права. Петроград, 1924. С. 275.
9. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права // Радько Т.Н. Хрестоматия по теории государства и права. М., 2009.
10. Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства.
11. Алексеев А.С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль, 1910. С. 20.
12. Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств: Сборник статей. СПб., 1905. С. 117-187; Его же: О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование: К реформе государственного строя России. Вып. 2. СПб., 1906. С. 9-62; Его же: Теория конституционного государства. СПб., 1914.
13. Кистьяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1999. С. 328, 418, 489.
14. Туманова А.С., Окатова А.С. Правовое и конституционное начала государственности в трактовке российского государственоведа В.М. Гессена // История государства и права. 2009. № 18. С. 44-47.
15. Гессен В.М. Теория конституционного государства. СПб., 1914. С. 9.
16. Васильев А.А. Этико-правовая концепция русской государственности П.Е. Казанского и Н.А. Захарова // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 42-46.

References (transliterated):

1. Kistyakovskii B.A. Sotsial'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i obshchei teorii prava // Rad'ko T.N. Khrestomatiya po teorii gosudarstva i prava. M., 2009.
2. Kistyakovskii B.A. Lektsii po obshchemu gosudarstvennomu pravu. M., 1912. S. 261.
3. Gessen V.M. O pravovom gosudarstve // Rad'ko T.N. Khrestomatiya po teorii gosudarstva i prava. M., 2009.
4. Kotlyarevskii S.A. Vlast' i pravo. // Izbrannye trudy. M., 2010. S. 352.
5. Vasil'ev A.A. Etiko-pravovaya kontseptsiya russkoi gosudarstvennosti P.E. Kazanskogo i N.A. Zakharova // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2012. № 7. S. 42-46.
6. Il'in I.A. Teoriya prava i gosudarstva. 2-e izd. / pod red. i s biograficheskimi ocherkami V.A. Tomsinova. M., 2008.
7. Novgorodtsev P.N. Dva pravovyykh ideala. Nauchnoe slovo. Kn. X. M., 1994. S. 121.
8. Alekseev N.N. Osnovy filosofii prava. Petrograd, 1924. S. 275.
9. Shershenevich G.F. Obshchaya teoriya prava // Rad'ko T.N. Khrestomatiya po teorii gosudarstva i prava. M., 2009.
10. Palienko N.I. Uchenie o sushchestve prava i pravovoi svyazannosti gosudarstva.
11. Alekseev A.S. K voprosu o yuridicheskoi prirode vlasti monarkha v konstitutsionnom gosudarstve. Yaroslavl', 1910. S. 20.
12. Gessen V.M. Teoriya pravovogo gosudarstva // Politicheskii stroi sovremennykh gosudarstv: Sbornik statei. SPb., 1905. S. 117-187; Ego zhe: O pravovom gosudarstve // Pravovoe gosudarstvo i narodnoe golosovanie: K reforme gosudarstvennogo stroya Rossii. Vyp. 2. SPb., 1906. S. 9-62; Ego zhe: Teoriya konstitutsionnogo gosudarstva. SPb., 1914.
13. Kistyakovskii B.A. Filosofiya i sotsiologiya prava. SPb., 1999. S. 328, 418, 489.
14. Tumanova A.S., Okatova A.S. Pravovoe i konstitutsionnoe nachala gosudarstvennosti v traktovke rossiiskogo gosudarstvenoveda V.M. Gessena // Istoriya gosudarstva i prava. 2009. № 18. S. 44-47.
15. Gessen V.M. Teoriya konstitutsionnogo gosudarstva. SPb., 1914. S. 9.
16. Vasil'ev A.A. Etiko-pravovaya kontseptsiya russkoi gosudarstvennosti P.E. Kazanskogo i N.A. Zakharova // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2012. № 7. S. 42-46.